

**НА ПУТИ К РЕЛИГИОЗНОМУ ЗНАНИЮ:
ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА
ДЛЯ СУБЪЕКТА РЕЛИГИОЗНОГО ПОИСКА**

Н. В. Топилина

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: религиозный опыт рассматривается в статье через призму исследовательских задач по изучению индивидуального религиозного поиска. В свою очередь, исследование религиозного поиска как активных, самостоятельных усилий индивида, направленных на обнаружение религиозного знания, воспринимаемого им как истинное, продиктовано современной ситуацией религиозного плюрализма, когда множественность религиозных обоснований интернализируется сознанием как разнообразие возможностей, между которыми человек вправе сделать выбор. Установление эпистемологического статуса религиозного знания может осуществляться индивидом различными путями, в значительной степени обусловленными личностными характеристиками субъекта и социокультурным контекстом религиозного поиска. Один из таких путей – собственный религиозный опыт, который реализуется непосредственно, переживается изнутри при полном отсутствии любого анализа и всякого разумного объяснения.

Ключевые слова: религиозный плюрализм, религиозный поиск, субъект религиозного поиска, религиозный опыт.

Abstract: religious experience is considered in the article through the prism of research tasks for the study of individual religious search. In turn, the study of religious search as active, independent efforts of the individual, aimed at the detection of religious knowledge, which is perceived by them as true, is dictated by the current situation of religious pluralism, when the plurality of religious rationales internalities by the consciousness as a variety of opportunities, between which the person has the right to make a choice. The establishment of the epistemological status of religious knowledge may be exercised by the individual in different ways which are substantially caused by personal characteristics of the subject and a socio-cultural context of religious search. One of these ways – is their own religious experience, which is implemented directly, is experienced from the inside in the complete absence of any analysis and any reasonable explanation.

Key words: religious pluralism, religious search, subject of religious search, religious experience.

Исследование религиозного поиска продиктовано современной ситуацией религиозного плюрализма, когда «множественность религиозных обоснований интернализируется сознанием как множественность возможностей, между которыми человек может сделать выбор» [1].

К пониманию сущности и детерминант религиозного поиска можно приблизиться через анализ понятия «религия». В связи с этим мы разделяем и берем за основу точку зрения современного отечественного

философа религии и религиоведа Ю. А. Кимелева, который не только дает определение религии как «отношения человека к божественной реальности», но и настаивает на том, что религиозное отношение, т.е. отношение к Богу, в своей целостности есть и познавательное отношение, так как «каждый момент и аспект этого отношения, есть, прежде всего, определенное знание об этой реальности, а также связанное с этим знанием знание человека о мире и о самом себе. Знание инкорпорировано в веру» [2, с. 14].

Утверждение о том, что философия религии стремится определить эпистемологический статус инкорпорированного в веру знания и, тем самым, установить правомерность доверия к этому знанию, соответственно, определить правомерность веры в целом, может быть применено к философскому осмыслению программы религиозного поиска, вербализуемой индивидом. Знание, инкорпорированное в тот или иной религиозный комплекс, проблематизируется субъектом религиозного поиска, который не берет на веру, а, следовательно, подвергает сомнению это знание. Индивид, не обладающий еще религиозной верой, не воспринимает религиозное знание как нечто изначально и безусловно истинное, но рассматривает его подлежащим «процедуре» доказывания оправданности, надежности, истинности содержащихся в нем постулатов. Очевидно, что истинность религиозного знания, необходимая для установления доверия к нему, признается индивидом только благодаря совпадению, созвучию конкретного знания с собственными субъективными смыслами.

Проблематизация знания, инкорпорированного в веру, создает условия для постановки вопроса о том, чем должна определяться приверженность этому знанию. Подходы к решению этого вопроса, существующие в философии и теологии, могут быть обозначены как рационалистический и фидеистический. Рационалистический подход к установлению статуса религиозных верований в философско-религиозной эпистемологии означает, прежде всего, проверку оправданности и надежности, правомерности этого знания посредством апелляции к свидетельствам и аргументативному рассуждению, предполагающему сопоставление доводов в пользу альтернативных систем. Между тем рационалистический подход, основанный на различении объективного и субъективного моментов религиозной веры, и представляющий собой философизацию давней теологической позиции, восходящей к Августину, не является предметом анализа данной статьи. Так же, как и ситуация, когда процесс определения истинности религиозного знания носит характер идентификации индивида с религиозной общностью, выступающей транслятором конкретного религиозного знания.

Рассмотрим процесс установления статуса религиозного знания с позиции фидеизма, как утверждения приоритета веры, основанной на Откровении, над разумом. Решение индивидом вопроса об истинности религиозного знания в этом случае решается через религиозный опыт (нередко отождествляемый с измененными состояниями сознания), который в отличие от внешней по отношению к субъекту религиозной до-

ктрины, воспринимаемой и осмысливаемой с помощью рациональных методов, реализуется непосредственно, переживается изнутри при полном отсутствии любого анализа и всякого разумного объяснения.

Введение в широкий научный оборот понятия религиозного опыта связано с опубликованием в начале XX в. работы психолога религии, профессора Гарвардского университета У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта». Позиция самого Джеймса в вопросе о месте религиозного опыта в становлении религиозного мировоззрения индивида представляет собой некий «промежуточный» вариант, далекий от противостояния рационализма и фидеизма. Так, признавая первичность религиозного опыта в становлении мировых религий, Джеймс видит в нем не единственную, но одну из причин индивидуального религиозного обращения, которое образно называет «процессом объединения раздвоенной души» [3]. В подтверждение данного тезиса Джеймс ссылается на Августина, настаивая на том, что Августин пришел к вере не только через рефлексию и усилия разума, но через пережитый им в период яростных сомнений религиозный опыт. Джеймс пишет об обращении Августина: «Однажды он услышал в саду голос, говоривший ему «Sume, lege» (возьми, читай). Он открыл наудачу Библию и прочел текст: «Не в вожделениях и чревоугодии»..., который показался ему пророческим. После этого душевная буря улеглась» [там же].

Значение личного религиозного опыта для религиозного обращения трудно переоценить. Вот как описывает своей религиозный опыт, пережитый в подростковом возрасте во время чтения Евангелия, митрополит Антоний (Сурожский), философ и проповедник, автор многочисленных книг и статей на разных языках о духовной жизни и православной духовности: «Я сидел, читал, и между началом первой и началом третьей главы Евангелия от Марка, которое я читал медленно, потому что язык был непривычный, я вдруг почувствовал, что по ту сторону стола, тут, стоит Христос. И это чувство было настолько разительное, что мне пришлось остановиться, перестать читать и посмотреть. Я смотрел долго; ничего не видел, не слышал, чувствами ничего не ощущал. Но даже когда я смотрел прямо перед собой на то место, где никого не было, у меня было яркое сознание, что тут, несомненно, стоит Христос. Помню, я тогда откинулся и подумал: если Христос живой стоит тут – значит, это воскресший Христос; значит, я достоверно знаю лично, в пределах моего личного, собственного опыта, что Христос воскрес и, значит, все, что о Нем говорится, – правда» [4]. Эта встреча определила всю последующую жизнь будущего Владыки Антония, который уже в семнадцать лет был посвящен в стихарь для служения в храме Трехсвятительского подворья, единственного тогда храма Московского Патриархата в Париже, и с этих ранних лет неизменно хранил каноническую верность Русской Патриаршей Церкви.

Подчеркнем, что религиозный опыт – довольно емкое понятие. Религиозный опыт может обозначать либо определенный компонент или аспект религиозного отношения, либо само это отношение в его целост-

ности. В первом случае религиозный опыт, как некое непосредственное «живое» отношение, противопоставляемое различным формам непрямого опосредованного отношения к божественной реальности (например, размышлению об этой реальности), выступает как разовое или многократно возникающее состояние. Второй базовый смысл религиозного опыта – это понимание его как целостности религиозной жизни. Примером данного подхода к религиозному опыту может служить исследование традиции исихазма, предпринятое С. С. Хоружим. Исследователь рассматривает религиозный опыт, которым располагает исихазм, не как изолированное эзотерическое явление, но как «общую антропологическую стратегию, цельный образ и метод самореализации человека в его бытийном назначении» [5, с. 232]. В целом и в том и другом случаях, исследователи [6–9] рассматривают религиозный опыт как определенное состояние сознания, всей интеллектуально-эмоциональной сферы, соотносимое субъектом опыта с высшей божественной реальностью.

Способность религиозного опыта выступать в качестве безусловной, несокрушимой, оправдательной инстанции по отношению к конкретным религиозным традициям или религиозности вообще не единственная причина столь пристального интереса – не только теологического и научного, но и общественного – к данной сфере человеческой жизни. Другая характерная особенность религиозного опыта – связь с волевыми усилиями субъекта, возможность его осуществления благодаря инициативе, усилиям самого человека. Анализируя причины распространения новых религиозных движений на рубеже XX–XXI вв., нельзя не обратить внимания на то, что они часто привлекают к себе новых адептов популяризацией тех или иных «психотехник», которые по праву считаются действенным средством изменения сознания человека, его самочувствия и соответствующих физических (соматических) показателей, что в большой мере способствует обретению религиозного опыта.

В заключение подчеркнем, что, несмотря на расхождение путей теологии и философии религии в главном вопросе (о признании божественной реальности), они, безусловно, сходятся в том, что доступ к знанию, содержащемуся в религиозном комплексе (доктрине, опыте, вере), доступен каждому, кто «хочет быть совершенным» (Мф. 19, 21). «Петр не может сам себя обратить, – имеет в виду необходимую для этого благодать Божию лютеранский теолог Д. Бонхёффер, – но сети оставить он может. На такой шаг способен всякий. Для этого у человека есть свобода» [10, с. 31]. Религиовед и философ Ю. А. Кимелев в свою очередь подчеркивает: «Не следует считать, что лишь верующий человек обладает доступом к религиозному знанию. Скорее дело обстоит таким образом, что человек становится верующим посредством внутреннего опыта и переживаний, возникающих во время освоения религиозного комплекса» [2, с. 79].

Безусловно, в теологическом понимании религиозное отношение инициировано самим Богом. Оно сопряжено со знанием, явленным и выраженным в Откровении, т.е. знанием о Боге, данном человеку самим Богом. В философском же аспекте, «доверие», прежде всего, призвано

показать характер приверженности «базисному знанию», конституирующему веру – знанию о существовании Бога. Приверженность вере определяется, как это видится философии, признанием эпистемологического статуса религиозного знания, содержащегося в вере. При этом важную роль в принятии субъектом религиозного поиска решения об истинности религиозного знания играет религиозный опыт.

Литература

1. Бергер П. Религия и проблема убедительности / П. Бергер // Неприкосновенный запас. – 2003 – №. 6 (32).
2. Кимелев Ю. А. Философия религии : систематический очерк / Ю. А. Кимелев – М. : Nota Bene, 1998. – 424 с.
3. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс ; пер. В. Г. Малахиевой-Мирович и М. В. Шик. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/james01/>
4. Антоний, митрополит Суражский. Биография. – Режим доступа: <http://www.mitras.ru/biograf.htm>
5. Хоружий С. С. О старом и новом / С. С. Хоружий. – СПб. : Алетейя, 2000. – 477 с.
6. Дубинин А. Э. Познавательные функции веры и религиозного опыта / А. Э. Дубинин // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 5. – С. 24–27.
7. Полева Ю. В. Роль культовых пещер в сохранении гонимых конфессий на территории Нижнего Поволжья и Подонья / Ю. В. Полева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2008. – № 2. – С. 91–98.
8. Резепкин Д. А. Трансцендентность и имманентность бытия в экзистенциально-религиозном опыте / Д. А. Резепкин // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 9 (87). – С. 110–113.
9. Черноусова У. Н. Проблема религиозного опыта / У. Н. Черноусова // Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения. – 2012. – № 26. – С. 58–61.
10. Бонхёффер Д. Хождение вслед / Д Бонхёффер ; пер. с нем. Г. М. Дашевского ; отв. ред. С. В. Тищенко. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. – 226 с.

2015. № 2